

* * *

В терпких, вороньих, ворованных сумерках,
Словно в замызганных клетчатых сумках, –
Яблоки, яблоки, солнечны, крутобоки:
Смятые листья, надорванные оборки,
Синее кружево с тёмною позолотой...

Вспомни меня в саду Твоём за работой
Дотемна, до вороньих, до сладкой устали –
В августе, Господи, когда яблоки выспели,
Ветви от тяжести вытянулись до хруста
И невозможно печалью не задохнуться.

* * *

Жизнь ещё приснится, коснётся губ
Лёгким поцелуем, сухим снежком.
Сладкая рябина, тропинка в клуб,
Золотые слёзки, и в горле – ком.

Где это заброшенное село,
Смуглая зима в шерстяном платке?

Что ж ты, моё солнышко, не взошло,
Что же ты растаяло в молоке?

Как мне выпить снежную непогоду,
Чем её согреть, чтобы не сгореть?
Засветил зарю во поле Господь,
Да и та уже стаяла на треть.

На лоскут небес вдосталь воронья,
Как на первый снег – вязкой черноты.
Так и прожила, думая, что – я,
Оглянулась – ты...

* * *

Тоске не выискать обнови –
Ну разве что среди полей
У края полога льняного
Увидеть журавлей,

Домой летящих бездорожьем
Весны небесной и земной...
О Господи, как осторожно
Ты говоришь со мной

О неизбежном и суровом,
О неизбывном и родном!
Не словом, Господи, не словом,
А словно сном...

Так заслоняют лёгкой тканью
Свет, обжигающий глаза, –
И не бывает проще тайны,
И разгадать нельзя.

* * *

Вернись в тот сон, где ты была
Любима и светла от счастья,
Где Богородица прошла
В окно к соседке постучаться,

Где тайну нянчит белый сад
И на ветру смеются вишни,
Где материнский лёгкий плат
Печали шёлковые вышили...

Ты помнишь – всхлипнуло дитя,
Когда калитка закрипела,
Сухою веткою тебя
За сердце яблоня задела –

И словно чёрным чертежом
Вдруг отчеркнула безвозвратно:
В каком-то городе чужом
Ты сны чужие смотришь жадно,

И эти кровь, и смерть, и блуд,
Придуманные воспалённо,
В твой сад, пока ещё зелёный,
Волною огненной идут.

* * *

...Издали – как чужая –
Но до мельчайших трат
Я знаю тебя, я знаю,
Как будто прошла стократ

Парадом твоих безумий
В лохмотьях твоей парчи –
В те поры, когда Везувий
Возвысился в палачи

И в жажде не кровной мести,
Но права вершить закон
Облизывал соль созвездий
Пылающим языком...

* * *

Всю муку бессловесности, весь белый
Простор Твоих несокрушимых зим
Я проживаю неизбывной верой
Непостижимым помыслам Твоим.

И в час, когда нечаянно и страшно
Откроются родные имена
Земных вещей – о них уже не спрашивай,
Они прошли как пламя сквозь меня,

Прошли – и словно накрепко прошли
Живую ткань неровные стежки...

Теперь Тебя я чувствую по силе
Тоски.

* * *

Мир так тесен! Локтем коснись рукава реки –
Краснеешь, застигнут неведомою виной.
Апрель полыхает, и ветры его горьки,
Кажется, они в целую жизнь длинной.

Апрель полыхает, по небу ползёт ожог,
Близко-близко, у самых ресниц черно и ало!
И сердце не лжёт: на затылочной прыжок
Времени слишком мало.

Мир прекрасно тесен, как тесен круг
Любимых рук. Но, наслаждаясь весенней неволею,
Сердце отзывается вдруг
Неизъяснимой болью

И больше не желает слушать слова
О жизни и смерти, воле случая и неволе.
Просто – локтем касаешься рукава,
И не более.

* * *

Тоску твою свели на торжище,
Любовь забыли вспоминать,
Лица не узнают – но кто ж ещё
Так жарко может вспылать

От невесомого касания,
От золотого сквозняка!
Не покидай меня, спасай меня,
Веди меня сквозь облака,

Как ты сама идёшь – не каешься,
Не наклоняешь головы,
И только сердцу откликаешься
Среди губительной молвы.

* * *

Тает воск от лица огня,
И за воздухом, как за тканью,
Жизнь таинственная меня
Опаляет своим дыханьем.

Золотится её пушок
Над высокими тополями.
Прикасаешься – словно шёлк,
А вдохнёшь – и взлетает пламя.

Светел храм, где свеча свечу
В тишине узнаёт по свету,
По молитвенному лучу,
Нисходящему словно сверху

И вплавляющему во плоть
Ненадёжную, восковую
Всё, что мыслил во мне Господь,
Всё, что я в небесах взыскую.

Июльский ливень лип, рискующий пролиться,
Держащий на весу немислимую цветь...
Как слёзы на глазах наивного провидца,
Сквозь молодую жизнь увидевшего смерть.

Всё камень и металл – но липы вдоль проспекта,
И предвечерний час – над ними, на весу.
Всё музыка вокруг – и ничего не спето,
И я иду одна и музыку несущу.

Вот-вот сорвёт струну растерянного взгляда,
Вот-вот обрушит мрак и ливень разольёт,
И цвет собьёт в траву, и жёлтой каплей яда
Горячая луна над городом взойдёт!

Но если удержать, не покачнувшись, если
Всей музыкою стать, всей дождевой водой,
Опомнишься: они из вечности воскресли
Для радости твоей, со-бытия с тобой.

* * *

Сухой насекомый сентябрь, солнцепёк на околице,
Стрекозы садятся на пальцы, как тёмные кольца,
Заветные перстни из бабушкиной шкатулки, –
Но, резко взлетая, стремятся в лесные проулки.

Так в прошлое, тайных своих ожиданий не выдав,
Уходит прозрачный, почти незамеченный выдох,
И где-то становится ропотом, гулом, провалом
В молчание-золото, густо краплёное алым...

* * *

Болотины да пожарища,
Да неба сырая ржа...
Зима-то не госпожа ещё,
Вестимо, не госпожа.

Разок бы на вкус испробовать
Серебряного пшена...
Но встретимся до Покрова ли,
До белого полотна?

На ветер сквозной нанизаны
Домики вдоль реки –
Ни ласточек под карнизами,
Ни взгляда из-под руки.

Да сожаленью позднему
Калёного – не обжечь...
Скорей бы в дорогу, по снегу –
В пожар долгожданных встреч!

* * *

Тайная жизнь одиноких деревьев полна
Шёпота, шелеста, полупрозрачного гула...
Словно в забытый колодец душа заглянула
И не увидела дна.

Там, в глубине, обретая родные черты,
Имя и голос, одежды из ветра и света,
Что-то волнуется, плещется, ищет ответа –
И осыпается белой пылью с высоты...

Очи деревьев темны и замкнуты уста –
Небо своё обживают они бессловесно.
Нас прижимает к земле многозвёздная бездна –
Их, словно мать, поднимает к лицу высота.

Это они, погружаясь по грудь в забытьё,
Как невода, заплетают немymi ветвями
Чистое, гулкое, неумолимое пламя –
Нежное и невесомое пламя Твоё.

* * *

Мимо пригорка, вниз,
Синим заборы крашены...
Это молитва-жизнь
Века позавчерашнего...

Взлает и смолкнет пёс,
Скрипнет снежок, калитка ли,
И тишина до слёз –
Словно уже окликнули.

Яблоневый дымок,
Снежное воскресение –
Если бы кто-то смог
В этом найти спасение,

Тропкой сойти к реке
И постоять у вымоин:
Вот он я – знать бы, кем
У бездорожья вымолен...